

Глоток воздуха. Рассказ пензенского антифашиста о пытках пластиковым пакетом

23 мая на российско-украинской границе **задержали** подругу обвиняемых по делу о террористическом сообществе «Сеть» Викторию Фролову. Ее вынудили дать показания на своих пензенских знакомых. Незадолго до этого ее молодой человек Алексей Полтавец рассказал ОВД-Инфо, что в марте 2017 года его задержали, били и пытали сотрудники пензенской ФСБ. По словам Полтавца, он фигурирует в материалах дела «Сети» под именем «Борис».

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

[ПОДПИСАТЬСЯ](#)

ОБО МНЕ

Меня зовут Алексей Полтавец, я родился в Омске. По убеждениям я — анархист, антифашист и вегетарианец;

выступаю против действующих властей РФ. В Омске я участвовал в зоозащитных мероприятиях — кинопоказах, митингах. В 2014 году я активно поддерживал митингующих на киевском «Майдане», вел агитацию против захвата Крыма и введения войск на территорию Украины. Я приходил на митинги, которые организовывали власти «в честь присоединения Крыма» в нашем городе, с украинским флагом и желто-синими шариками. Таким образом я хотел потроллить посетителей подобных мероприятий. За это мне угрожали и однажды даже пытались задержать сотрудники правоохранительных органов и, в частности, Центра «Э» (Центра по противодействию экстремизму), но мне удалось убежать.

В 2016 году после очередной ссоры на почве политических убеждений я решил съехать от родителей и перебраться в Санкт-Петербург — к своему другу [Виктору Филинкову](#). С Филинковым я познакомился в Омске в 2014 году через своего брата, который учился с ним на одном курсе. Мы начали общаться, так как придерживались схожих взглядов. Вместе с Виктором мы посещали многие оппозиционные акции, в том числе против аннексии Крыма и войны на востоке Украины, а также зоозащитные мероприятия. В 2016 году Филинков уехал в Петербург, получив там работу, но мы продолжали поддерживать дружеские отношения.

КАК ВСЕ НАЧАЛОСЬ

По дороге из Омска в Санкт-Петербург я решил остановиться у друзей в Пензе, так как у Филинкова возникли временные финансовые и жилищные проблемы. В Пензу я приехал в декабре 2016 года. Мне тогда было 16 лет. Друзья помогли мне найти работу и жилье. Я общался с местными политическими активистами, антифашистами, анархистами. Был знаком с Егором

Зориным, Дмитрием Пчелинцевым (обвиняемые по делу «Сети» — *ОВД-Инфо*), Максимом Иванкиным, Михаилом Кульковым и другими местными активистами. С ними мы играли в страйкбол и ходили в лес — убирали мусор, сидели у костра.

Примерно в конце февраля — начале марта 2017 года Зорина задержали. Его пригласил в гости знакомый, который, по рассказам Зорина, во время встречи все время выходил кому-то звонить. После одного из звонков в квартиру ворвались люди, представившиеся сотрудниками ФСБ, и «маски-шоу». Они нашли в квартире гашиш и стали давить на Зорина, утверждая, что наркотики принадлежат ему. По их словам, знакомые Зорина, находившиеся в квартире, уже начали давать на него показания. Затем ему предложили «выход из этой ситуации» — сотрудничать с ФСБ и выполнять поручения, доставать для них информацию и своевременно ее передавать. Силовики спрашивали про исламских террористов, говорили, что в вузе (Пензенский государственный университет — *ОВД-Инфо*), где учится Зорин, есть вербовщики. Ему дали понять, что если он согласится сотрудничать, то «дело о наркотиках в квартире» закроют; в случае отказа его обещали «закрыть по полной». Зорин согласился, подписал необходимые бумаги, после чего его отпустили.

На следующий день он встретился со своими друзьями и рассказал им о случившемся. По его виду было понятно, что он напуган и не знает, что делать. Через неделю Зорин сообщил, что сотрудники ФСБ провели с ним еще одну беседу: они встретили его около дома и посадили

в легковой автомобиль. Сотрудник ФСБ задавал вопросы о левом активизме и интересовался, знаком ли Зорин с кем-нибудь из активистов. Примерно через три недели меня задержали.

ЗАДЕРЖАНИЕ

В 10 часов вечера 30 марта 2017 года я и еще двое моих знакомых — Михаил Кульков и Максим Иванкин — шли по улице в сторону дома, где я жил, после посиделок у Кулькова. Товарищи пошли меня провожать, так как я из другого города. К нам подъехала серая полицейская машина ВАЗ-2115, из которой выбежали пять человек — кто в гражданской одежде, кто в полицейской форме. Я даже не успел спросить, за что меня задерживают, как мне уже заломили руки и надели наручники. Люди в полицейской форме кричали: «Руки давай, блядь, руки, сука, дай», — в то время как человек в гражданском руководил процессом. Люди в форме поставили меня лицом к машине и кричали мне: «Фамилия, имя, быстро, блядь», — после чего кто-то из них нанес мне удар рукой по голове, от которого я ударился лицом об машину. Я назвал свои ФИО. Один из людей в форме начал обыскивать меня, достал деньги, паспорт и положил их на крышу машины. Ничего больше не найдя, он положил все обратно в мой карман. После этого тот же человек прижал мою голову к машине и не давал смотреть в сторону. Как раз там, куда нам не давали смотреть, один из людей в гражданском (сотрудник ФСБ по имени Илья, как я узнал позже) обыскивал рюкзаки Кулькова и Иванкина. Когда я попытался повернуть голову, чтобы посмотреть, что делают люди в штатском, или спрашивал: «За что меня задерживают?» — сразу же получал удар кулаком в область почек. Через несколько минут Илья (сотрудник ФСБ) крикнул: «Тут наркота!»

В этот момент подъехал белый микроавтобус «Форд» с синими номерами, из которого вышли четыре человека, одетые в тактическую одежду, на голове у них были кепки и маски типа «бафф», и еще один сотрудник был в гражданской одежде. Сотрудник, который меня держал, развернул меня в сторону Ильи. Тот сидел рядом с кучей вещей, которые он вытащил на землю из рюкзаков, и держал в руке прозрачный пакет с каким-то свертком внутри. Сотрудник Илья определил содержимое пакета, не открывая его, сказав: «Ну вот и все, приехали вы, пацаны». Мы одновременно сказали, что пакет подброшен. В ответ все получили удары.

Нас повели в автобус, рядом со мной сел один из сотрудников. Он взял меня за шею, прижал мою голову к сиденью, находившемуся спереди, и несколько раз ударил меня в область затылка. Я спросил: «Что я сделал? За что меня задержали?» — но в ответ получил лишь больше ударов в затылок и лицо справа, после чего сотрудник сказал: «Тут я задаю вопросы, ты понял?» После этого он еще раз ударил ладонью в лицо. Я ответил: «Понял».

ПЫТКИ

Мы подъехали к отделению полиции или ФСБ. Я не успел прочитать, что было написано на табличке рядом со входом. Когда меня вели, сотрудники угрожали, что сейчас нас будут бить, и мы будем говорить все, что нам скажут.

Меня завели в кабинет, в котором была дверь, которая вела в еще один кабинет. Около этой двери меня поставили к стене в положение «полтора». Это когда стоишь на полусогнутых ногах, как будто сидишь, но без стула. Стоять в таком положении долгое время очень тяжело. В помещении, кроме меня, находились два сотрудника в гражданской одежде, которые следили

за мной, чтобы я не становился в нормальное положение. Время было примерно полночь. В кабинет зашел сотрудник по имени Михаил. Он подошел ко мне и, развернув меня, сказал: «Ну, привет», — после чего ударил меня кулаком в верхнюю часть живота. Я согнулся, у меня началась одышка, на что он сказал: «Да ладно тебе, я же только разминаюсь».

Михаил завел меня в дальний кабинет, там уже сидел Илья. Михаил достал из моих карманов паспорт и деньги (позже паспорт мне вернут, а деньги останутся у сотрудников). После этого он снял с меня наручники и приказал раздеться догола и присесть 20 раз. Пока я приседал, Михаил прощупывал мою одежду. После этого я оделся, и мне снова туго застегнули наручники за спиной. Сотрудник по имени Илья сказал: «Ну, ты же понимаешь, за что тебя задержали?» Я ответил: «Нет». Сотрудники засмеялись, и Илья сказал мне: «Вы всегда так смешно делаете вид, что нихуя не понимаете, а как пизды получите, так сразу все понимать начинаете». Михаил еще несколько раз ударил меня в живот и, взяв меня за волосы, сказал:

Ты же понимаешь, что наркоту у вас не просто так нашли. Сейчас ты подписываешь показания на своих дружков-анархистов, потом повторяешь их у следователя, и мы тебя отпускаем, пойдешь свидетелем. Если нет — ты сядешь по полной, и я тебе обеспечу веселую жизнь в СИЗО, там таких мальчиков молоденьких, как ты, любят

Я сказал, что подписывать ничего не буду.

Михаил продолжал держать меня за волосы. Тут встал Илья, подошел ко мне и сразу же нанес несколько ударов в верхнюю часть живота. Михаил отпустил мои волосы

и толкнул меня, отчего я упал на пол. Илья сказал: «Неправильный ответ, мы же тебе предлагаем по-хорошему. Твои друзья сядут независимо от тебя, вопрос только в том, сядешь ли ты с ними». Я откашливался и пытался встать, этот же сотрудник поставил рядом стул и сказал: «Садись». Я сел на стул и ответил: «Я же уже сказал, что я не буду ничего подписывать». Михаил сразу же нанес мне удар ногой в область груди (удар был больше похож на толчок, нежели на удар), от которого я упал вместе со стулом. Он сказал: «Значит, пойдешь по полной вместе с ними, тебя сейчас твои же дружки и сдают в соседнем кабинете, а ты тут их выгораживаешь. Если не хочешь потерять свое здоровье в этом кабинете — будешь отвечать на наши вопросы». Затем сотрудник поднял стул и поставил его, я сел обратно.

Дальше мне постоянно угрожали и давили на меня, угрожали изнасилованием шваброй. Это продолжалось всю ночь. Иногда заходил сотрудник по имени Николай и тоже издевался надо мной. Николай заламывал руки, от чего было ужасно больно и казалось, что сейчас он сломает мне руки, тянул за волосы и наносил удары, выворачивал ухо. Когда я падал и лежал на спине, он ставил ногу на половые органы и все сильнее давил. Я чувствовал невыносимую боль, которая потом продолжалась еще долгое время. Николай угрожал, что подвесит меня и что отправит меня сейчас к людям, которые меня изнасилуют.

После угроз сотрудники стали задавать мне вопросы, когда я приехал в Пензу, зачем, чем занимаюсь, как познакомился с другими задержанными, и подобные, которые касались меня. На них я ответил. Иногда сотрудники делали паузы, кушали и пили — на это время меня ставили в «полтора» у стены. Наступило утро, Николай отвел меня в кабинет, где я находился ранее, и поставил меня в «полтора». Когда я уже не мог так стоять и вставал нормально, ко мне подходил сотрудник, бил

меня ладонью в область живота и угрожал, что сейчас меня подвешат. После этого я становился обратно в «полтора».

В таком положении я простоял почти до вечера. Меня завели в кабинет и посадили на стул. В кабинете находились трое сотрудников — Михаил, Илья, Николай. Они спросили меня: «Не надумал?» Я ответил: «Нет». После чего спереди меня сел Илья и сказал: «Твои друзья уже дали на тебя показания. То, что было с тобой до этого, — это лучшее, что могло с тобой случиться. Я этими руками столько таких же, как ты, сломал». Было видно, что он говорил это с гордостью. Позади меня встал сотрудник Николай, в пространство между моими руками, застегнутыми сзади, и спиной, он продел спинку стула, чтобы я не мог встать и дергаться. Николай достал из шкафа черный плотный потертый полиэтиленовый пакет, его края были завернуты; он еще раз подвернул края и накинул мне на голову, не затягивая. Мне снова повторили все вопросы, я не ответил.

В этот момент мне действительно стало страшно, стало страшно за свою жизнь, что я не выйду отсюда живым, если не сделаю то, чего хотят сотрудники. Николай сзади затянул пакет, от чего я начал задыхаться и дергаться. Стул начал наклоняться, но Илья надавил на него, а Николай прижал меня к спинке стула. Николай снял с меня пакет, и я начал откашливаться, часть слюны упала на пол, от чего сотрудник Илья разозлился и ударил меня, сказав что-то вроде того, что я замарал им пол. Илья повторил вопросы, я повторил, что не буду ничего говорить и подписывать. После этого Николай снова надел мне

пакет и затянул его, но держал он его уже дольше, чем в прошлый раз.

Я испытывал непреодолимое чувство страха, задыхался и ничего не мог сделать. Хотелось сделать все, что они скажут, лишь бы получить глоток воздуха.

В этот раз я задыхался намного сильнее: в первый раз я пытался перед тем, как мне затянут пакет, задержать дыхание и сохранять спокойствие, как будто я ныряю; но быстро стало не хватать воздуха и началась паника. Когда с меня сняли пакет, я начал откашливаться и сказал: «Хватит, хватит издеваться». В ответ на это мне надели пакет, хоть я даже не успел откашляться от предыдущего раза. В третий раз Николай держал пакет еще дольше. После того, как он снял пакет, мне снова задали вопрос, буду ли я подписывать показания и соглашение о сотрудничестве. Я ответил: «Перестаньте меня пытаться. Вы в два раза старше меня, я в наручниках, как вы так можете-то?» На что мне ответили: «А с вами по-другому нельзя», — и снова надели пакет. Я испытывал невыносимое чувство нехватки воздуха, паники и страха.

Такие «процедуры» они повторяли еще порядка пяти-семи раз, после чего с меня сняли пакет на несколько секунд и снова надели, и держали еще дольше, от чего у меня чуть непроизвольно не произошло мочеиспускание. После этого Николай снял пакет, все сотрудники были очень злы, мне повторили вопрос, я не ответил. После этого Михаил, который все это время сидел и наблюдал за пытками, сказал: «Возьмем паяльник, и ты на все согласишься», — и Илья начал искать по кабинету паяльник. Михаил открыл дверь в соседний кабинет и крикнул: «Принесите мне паяльник», — после чего сам покинул кабинет. В это время Николай сказал: «Щас я возьму вон ту швабру и засуну ее тебе в жопу, и ты мне со всем согласишься, ты после

этого сам жить не захочешь. Ты этого хочешь?» Я сказал: «Нет, не надо». В этот момент зашел Михаил, подозвал Николая, они вышли из кабинета и о чем-то разговаривали, но о чем именно мне не было слышно. После чего Михаил зашел и сказал: «Тебе повезло пока что, твои друзья сговорчивее тебя оказались, но твое тут поведение тебе еще откликнется».

После этого мне сказали, что отпустят под подписку о невыезде, а если я буду говорить о том, что произошло, то меня снова будут пытаться. Сотрудники ФСБ пообещали приехать за мной в понедельник. Меня отвели в кабинет, где я находился ранее, и опять поставили в «полтора». Было уже поздно, и сотрудники сказали, что они не спали три дня, поэтому уйдут спать, а утром продолжат заниматься нами. Всю ночь я простоял в «полтора» у стены. В это время двое сотрудников смотрели фильм, кушали и следили, чтобы я не вставал в нормальное положение. Но в этот раз сотрудники уже реагировали не так агрессивно, когда я становился в нормальную стойку. Мне разрешили сходить один раз в туалет, где также находились рядом со мной.

Утром снова пришли Николай, Михаил и Илья. Они сказали, что сейчас я отвечу на вопросы, на некоторые из которых я уже отвечал вчера. Это были вопросы про меня: чем занимаюсь, почему приехал, когда приехал, куда шел. Но теперь их нужно было подписать у следователя. Потом меня вместе с Иванкиным отпустят под подписку о невыезде, так как он дал показания на Кулькова, а тот взял всю вину на себя. Мне сказали, что, так как я из Омска, я буду жить у Иванкина дома. Чтобы пытки не продолжились, я согласился. Ответы сотрудники ФСБ записывали на клочок бумаги. Я спросил: «Что будет с Кульковым?» Мне ответили, что его поместят под домашний арест. Затем меня вывели и посадили в машину, где находились еще три сотрудника, одного из которых я не знал — его звали Андрей.

По дороге мы остановились рядом с автомобильным мостом, железнодорожными путями и лесом. Мне сказали, что нужно сделать фото, где я просто показываю пальцем в определенное место на земле. Я сказал, что не буду фотографироваться, за что меня начали бить по затылку, спине, всему телу и угрожать. Мне сказали, что сейчас мы вернемся в отделение, где меня изнасилуют и продолжают пытаться. Я согласился, так как понимал, что сотрудники ФСБ действительно могут это сделать. Мы вышли из машины, сзади остановилась еще одна машина, оттуда вышли три девушки. Одна из них, как мне показалось, была сотрудницей полиции, а двух других просто попросили стоять рядом со мной во время фотографирования. С меня сняли наручники и велели показывать сначала на одну колонну моста, а потом на другую и на пустой участок земли возле колонны. Я показал. После этого на меня снова надели наручники и повезли дальше.

По приезде в другое отделение мне расстегнули наручники и завели в кабинет, где находилась женщина в полицейской форме. Она мне сказала сесть на стул, что я и сделал, и попросила одного сотрудника остаться со мной. Остался Михаил. Она предложила мне воды. Я выпил воды впервые за полтора дня. До этого мне не давали сидеть (кроме того раза, когда надевали пакет на голову), пить воду и тем более кушать. Она предложила мне шоколадку. Дверь в коридор была открыта, и я видел, как мимо вели Кулькова и Иванкина. Я спросил, можно ли разделить ее с друзьями — на что сотрудница (как я узнал, по имени Екатерина) сказала: «Ешь». Я съел половину

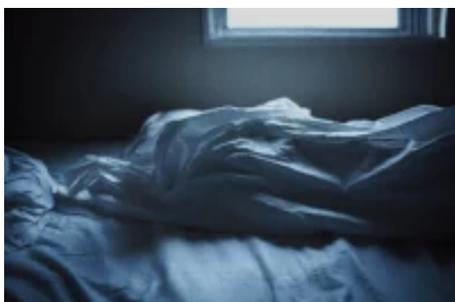
шоколадки, а вторую попросил отдать друзьям, но никто не выполнил мою просьбу.

После этого она дала телефон и сказала, чтобы я позвонил родителям, что я и сделал. Екатерина сказала моей маме, что я задержан и сейчас она даст поговорить со мной. Я сказал маме, чтобы она искала мне адвоката, так как мне его не дают, и что я ни в чем не виноват. Сразу после этого сотрудница Екатерина потребовала закончить разговор. Сотрудник Михаил сказал: «Как это мы тебе не даем адвоката, ты сам от него отказался». Я ответил, что я просил адвоката, но мне отказали. Михаил отдал Екатерине бумажку с моими ответами. Она начала перепечатывать то, что там было написано, иногда задавая уточняющие вопросы. Дописав мои ответы, она распечатала их, сказала, что ушла сверить с ответами остальных. После этого она вернулась и сказала, что почти все совпадает. Она дала мне бумаги с моими ответами и сказала, что если подпишу — то вот еще одна бумага (подписка о невыезде), которую я подпишу, и меня отпустят.

Михаил сказал: «Ты что, хочешь опять к нам скататься и потом в СИЗО уехать, а не домой?» Я сказал: «Нет», — и подписал бумаги. После этого мне отдали паспорт и сказали: «Вот и молодец, сиди жди, пока Иванкина допросят, перепечатают его показания — и отвезем домой. Будете сидеть — ни шагу, понял?» Я сказал: «Понял». Прошло примерно два часа, а потом зашел Николай и сказал, что меня и Иванкина надо отвезти домой. Николай и Андрей вывели меня и Иванкина из отделения и посадили в ту же машину, на которой меня привезли. Привезли нас домой к Иванкину примерно в 20:00, сотрудники объяснили его родителям, что я из Омска и пока буду жить у них дома. Они пообещали приехать за мной в понедельник (3 апреля 2017 года — *ОВД-Инфо*).

ПОСЛЕ ЗАДЕРЖАНИЯ

Потом мы с Иванкиным обсудили, что происходило у фсбшников. Иванкин мне рассказал, что в ФСБ им с Кульковым удалось договориться, что Иванкин даст показания на Кулькова, а Кульков во всем сознается, чтобы насилие со стороны сотрудников прекратилось. При этом их не пытали пакетом, но били, угрожали паяльником и ставили в «полтора». Мы решили, что оставаться небезопасно и есть прямая угроза жизни со стороны сотрудников ФСБ. Мы боялись продолжения насилия и пыток. Связавшись с Кульковым, мы сообщили о том, что будем бежать, на что Кульков сказал, что также будет бежать. Так как почти двое суток нам не давали сидеть, пить, кушать и тем более спать, мы легли спать. Следующим утром — 2 апреля 2017 года — мы покинули дом. Перед отъездом я позвонил своей девушке Вике и рассказал ей о случившемся. Мы решили, что она тоже уедет из Пензы как можно скорее.

После этого я больше не виделся с Иванкиным и Кульковым. Обращаться к правозащитникам я побоялся, думал, что меня поместят в СИЗО, где они не смогут мне помочь и где меня под пытками заставят оговорить себя. Позже оказалось, что мои опасения были небезосновательны: именно это — пытки и помещение в СИЗО — и произошло с моими друзьями из Пензы и Питера.

ДРУГОЙ ГОРОД

После того, как мы покинули дом, где должны были находиться согласно подписке о невыезде, я решил поехать в город N к своим знакомым. Добравшись туда автостопом, я рассказал знакомым о том, что со мной произошло, и они предложили мне жить у них, пока ситуация не прояснится. Сейчас я очень благодарен этим людям и понимаю, что они буквально спасли мне жизнь. Потом я связывался со своими родителями. Со слов родителей, к ним домой приходили сотрудники ФСБ и интересовались, не знают ли они, где я и как со мной связаться.

Понимая, что меня разыскивают, но мне нужно на что-то жить, я начал искать работу, где можно было бы работать без документов. Такую работу я нашел на одной из строек, просто поговорив со старшим бригады. Потом, когда началась наружная отделка дома, бригаде нужны были промышленные альпинисты и люди, которые будут работать на высоте, а так как я раньше занимался альпинизмом и понимал, как все устроено, — меня взяли. Так я прожил несколько месяцев, после работы сразу шел домой, в людных местах старался не появляться. Все это время я думал о том, как покинуть Россию, понимая, что вариант «оставаться» напрямую угрожает моей жизни и здоровью. Я рассматривал любые варианты того, как выбраться в страну, где можно попросить убежище, и в приоритете у меня была Украина.

УКРАИНА

Когда у меня появилась возможность нелегально переехать в Украину, я воспользовался ею и добрался до Киева. В миграционную службу я идти боялся, так как слышал, что были случаи, когда неизвестные похищали искателей убежища из РФ и вывозили в Россию. В Киеве я также устроился работать промышленным альпинистом

и занимался утеплением домов, зимой работы не было, и я подрабатывал курьером в вегетарианском кафе.

Осенью 2017 года я узнал, что начались задержания моих друзей в Пензе. За месяц до этого Виктория оформила заграничный паспорт и приехала ко мне. С тех пор мы живем в Украине. До задержания в мае 2018 года Виктория уже возвращалась в Пензу один раз. Никаких проблем на границе тогда не возникло. Но в этот раз ее доставили на допрос в ФСБ, где следователь Токарев много спрашивал про меня и передавал мне привет. Он угрожал, что в Украине у них «есть свои люди» — меня вывезут нелегально в Россию и посадят в тюрьму.

Мне также стало известно, что сотрудники ФСБ упоминают прозвища задержанных, в том числе меня под прозвищем «Борис». В одной статье, видимо, кто-то перепутал и написал, что «Борис» — это Кульков; хотел бы поправить: «Борис» — это я. Прозвали меня «кот Борис» или просто «Борис», потому что я очень люблю кошек, у меня была кошка, и однажды, когда я с ней играл, а по телевизору постоянно шла реклама кошачьего корма «Kitekat», где говорится про кота Бориса, подруга назвала меня в шутку «кот Борис», после чего все стали так меня называть.

Я читал в публикациях, что сотрудники ФСБ угрожали «достать» Александру, жену Виктора Филинкова, которая совсем недавно уехала из Киева в Финляндию и попросила убежище, а также о том, что в Украине уже были случаи, когда неизвестные похищали просителей убежища из России и тайно вывозили их на родину. После этого я начал опасаться за свою жизнь и здоровье и здесь боюсь того, что меня могут выдать в Россию, где меня будут снова пытаться и скорее всего посадят в тюрьму. Поэтому я хотел бы получить убежище в другой, более безопасной стране. За это время у меня заметно ухудшилось здоровье, особенно морально-психологическое

состояние, у меня развилось посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), что подтвердил психолог.

Я понимал, что есть вероятность, что меня могут тайно экстрадировать, — но все же принял решение и попросил украинские власти предоставить мне убежище. Сейчас я ожидаю ответа. В настоящее время я легально нахожусь на территории Украины.

UPD: В **феврале** и **марте** 2020 года «Медуза» опубликовала тексты, где Полтавец иначе рассказывает о событиях, упомянутых в этом материале.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Дело о террористическом сообществе «Сеть»

Десять молодых людей в Пензе и Петербурге обвиняют в причастности к террористическому сообществу «Сеть»: они якобы готовились к волнениям в стране. Несколько фигурантов заявили о пытках.

33 286

Ещё почитать

06.11.2025 Пензенская область

Фигуранта дела «Сети» Илью Шакурского
держат в ШИЗО